

УДК 811.161.1'367.625
ББК 81.411.2-31

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ И ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА

Балалыкина Эмилия Агафоновна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и методики преподавания
Казанского (Приволжского) федерального университета
ebalalyk@yandex.ru
ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу глагольной лексики русского языка с точки зрения действия семантических законов. Раскрыты механизмы расширения или сужения семантики, а также развития противоположных значений глагольного слова.

Ключевые слова: семантические законы, внутренняя форма слова, расширение семантики слова, сужение семантики слова, энантиосемия.

Семантический анализ лексики ставит перед исследователем задачи описания специфики отношений между словами, родство которых предполагается. При этом могут возникать определенные трудности, поскольку даже близкие по происхождению слова часто обнаруживают далеко разошедшиеся значения. Однако можно выявить наиболее типичные исторические изменения в семантике слов, имеющие закономерный характер, что требует привлечения как современного, так и исторического языкового материала. Важнейшая задача, стоящая перед исследователем, заключается в установлении основного содержания этих изменений и реконструкции исконного значения («внутренней формы») того или иного слова.

К числу значимых изменений в семантике слова, которые можно обнаружить на протяжении его длительного функционирования в языке, относятся процессы расширения и сужения значения, имеющие характер своеобразного закона [1, с. 76]. Под расширением понимается увеличение семантического объема слова, происходящее в процессе длительного исторического развития или в контексте речевого употребления. Сужение значения – процесс противоположный, представляющий собой уменьшение семантического объема

слова, которое также происходит в результате длительного функционирования слова в языке. Как отмечал Б.Н. Головин, при расширении в семантике слова, как правило, отображаются основные признаки такого предмета или явления, разновидность которого была лишь частично отражена старым значением. В случае же сужения, наоборот, слово отражает лишь часть, какую-то сторону, разновидность того предмета или явления, которое было отображено старым значением [3, с. 83]. По мнению Н.В. Крушевского, подобные процессы связаны с тем, что язык никогда не имеет и не может иметь столько слов, сколько требуется для названия бесконечной, вечно изменчивой и вечно увеличивающейся массы понятий [5, с. 207].

Достаточно ярко процесс семантического **расширения** представлен в глаголе. Особого внимания заслуживают звукоподражательные глаголы, которые характеризуются в своем развитии одной общей тенденцией – стремлением к максимальному расширению семантики, развитию новых и достаточно широких значений на базе первоначальных звукоподражательных комплексов. Не останавливаясь на них подробно в силу указанной общности, приведем лишь некоторые примеры: *ворковать* –

от звукоподражательного *вѣр-къ* > *воркъ* > *ворковать*: «о голубке – издавать свойственные ей звуки» > «нежно разговаривать» (шутл.). От той же звукоподражательной основы образован и глагол с противоположным значением – *ворчать*: о животных – «издавать короткие, низкие звуки» (*собака ворчит*) > о человеке – «сердито бормотать, выражая недовольство». Подобного же типа семантические переносы со звуков, издаваемых животными, на особенности человеческого поведения или издаваемые при этом поведении звуки обнаруживают глаголы *крякать*: об утке – «издавать звуки, похожие на *кря-кря*» > о человеке – «издавать отрывистый горловой звук, обычно от удовольствия» (*крякать от удовольствия*); *мычать*: о коровах, быках – «издавать характерные протяжные звуки» > о человеке – «невнятно говорить, издавать нечленораздельные звуки» (*мычать в ответ*). Иногда звукоподражательные глаголы связаны и с другими реалиями или предметами, способными издавать какие-либо звуки. Например, *пыхтеть* – первоначально суффиксальное производное от *пых*. Отсюда и значения: «тяжело дышать, напрягаясь» (*пыхтеть на ходу*); «трудиться, старательно делая что-л.» (*пыхтеть над чертежом*). Аналогично образовано *кряхтеть* – от звукоподражательного *кре* > *крехт* (храпение, стон) > *кряхтеть* – «издавать глухие, отрывистые звуки» (от боли) и т. д.

Особого внимания заслуживает многочисленная группа глаголов, отражающих тенденцию к максимальному расширению исконного значения при отрыве от производящей основы или при полной ее утрате. Подобные процессы можно обнаружить в том случае, если глагол содержит в своем составе былую мотивирующую основу, еще функционирующую в языке в качестве самостоятельного слова, хотя семантические связи между этой основой и производным глаголом уже утрачены. Наиболее яркий пример – глагол *громить*, связанный по происхождению с мотивирующим *гром* и имевший первоначально достаточно узкое значение – «разбивать громом, молнией что-либо». Современное *громить* – «разбивать, уничтожать, разрушать» (*громить врага*) или «резать, уничтожающе критиковать» (разг.).

Исконное значение глагола *запечатлеть* было связано с мотивирующим *печатль* и мо-

жет быть определено как «скрепить печатью». Современный глагол *запечатлеть*, этимологически мотивированный корневым *печатль*, в результате развития семантики в сторону расширения и большей отвлеченности стал означать «изобразить, воплотить что-н. в чем-н.» (в произведении искусства) (*запечатлеть события на пленке*).

Слово *защитить* сохранило в своем составе указание на соотнесенность с мотивирующим *щит* и предельно расширило свою семантику. Первоначально *защитить* – «прикрыться щитом в целях безопасности», затем – «предохранить, обезопасить от чего-либо вообще» (*защитить ребенка; защитить Родину*).

Глагол *внушить*, выступающий в современном языке с широкой семантикой «воздействуя на волю, сознание, побудить к чему-н., заставить усвоить что-н.» (*внушить жалость; внушить уважение к себе*), первоначально был связан со словосочетанием *вън уши* и, соответственно, выражал узкое значение «заставить услышать».

Глагол *душить*, соотносимый с былой производящей основой *душа*, первоначально означал «лишать души, давить на ямочку над грудной клеткой», затем расширил свою семантику. В современном языке этот глагол имеет чрезвычайно широкое значение – «убивать, насильственно останавливая дыхание», «угнетать, подавлять, притеснять» и т. д. (*душить в объятиях; душить свободу*).

Глагол *всучить* «обманом заставить взять что-то, продать негодную вещь» (*всучить залежалый товар*) первоначально использовался как термин: *всучить* некогда значило «вплести методом сучения», от *сучить* «свивать в одну нить несколько прядей».

Глагол *грабить*, как известно, этимологически связан с однокоренным словом *грабли*, то есть *грабить* (родственное глаголу *гребсти – гребу*) означал «работать, хватать граблями» (ср. современное *сгребать*). На базе этого значения и развилась более отвлеченная семантика современного глагола *грабить* – «отнимать силой чужое имущество».

Глагол *клянчить*, считающийся старым заимствованием из польского, имел значение «стоять на коленях» (ср. укр. *клячати* «падать на колени»). *Клянчить* первоначально значило

«просить милостыню, стоя на коленях». Отсюда и современное, достаточно широкое значение «надоедливо выпрашивать что-л.» (*клянчить игрушку*).

Некоторые глаголы с одинаковой словообразовательной структурой, утратившие соотнесенность с производящим и, соответственно, членимость, достаточно выразительно демонстрируют процесс расширения семантики. Примером тому могут быть глаголы типа *исключить* или *искупить*, которые в современном русском языке выступают с достаточно широкими значениями: *искупить* – «заслужить прощение» (*искупить свою вину чем-н.*); *исключить* – «удалить из состава чего-н.» (*исключить из списка*). Былые производящие основы для подобных глаголов определяются даже при небольшом этимологическом анализе: *искупить* связано с глаголом *купить* и первоначально означало «выкупить», затем в результате переосмысления стало употребляться в приведенном широком значении. *Исключить* соотносилось с когда-то существовавшим в языке глаголом *ключити* и значило «вывести из-под ключа».

Такого же порядка исторически производные глаголы с начальным элементом у-: *устранить* (от *страна – сторона*) – «уничтожить, ликвидировать», первоначально – «отодвинуть в сторону»; *удручить* (от былого *друк* «палка») – «крайне огорчить кого-л.», первоначально – «ударить палкой, шестом»; *увечить* (от *век* «сила, здоровье») – «калечить, портить, уродовать», первоначально – «лишить силы, здоровья»; *угодить* (от былого *год* «подходящее время») – «удовлетворить кого-л., сделав что-л. приятное, нужное, желаемое», первоначально – «сделать что-л. в подходящее время».

Иногда расширение семантики слова сопровождается приобретением им дополнительной эмоционально-экспрессивной окраски и, соответственно, переходом в определенную стилистическую сферу. Так, глагол *измочалить* некогда употреблялся в узком профессиональном значении «разбирать на волокна, превращая в мочалку» и соотносился с производящим *мочалить*. Современное разг. *измочалить* – «крайне утомить привести в состояние полного бессилия» (*болезнь измочалила мать*).

Из профессионального употребления пришел в разговорный язык и глагол *скостить* – «скинуть, сбавить» (обычно о денежной сумме, цене), который исторически связан со словом *кость* «костяшка на счетах». *Скостить* первоначально – «сбросить несколько костяшек со счета».

В разговорную сферу перешел некогда и глагол *втемяшить* – «настойчиво внушая, прочно укрепить в чьем-л. сознании» (*втемяшить себе в голову что-л.*). Былая соотнесенность с существительным *темя* не вызывает сомнения. Первоначально *втемяшить* – «вбить в темя, голову». Глагол *темяшить* от *темя* в значении «бить» известен и в некоторых диалектах.

В ряде случаев при определении семантических изменений в слове может помочь материал родственных языков. Например, глагол *корпеть* «кропотливо и усердно заниматься каким-л. делом» (*корпеть над бумагами, словарями* и т. д.) был некогда произведен от исчезнувшего **кърпа* «лоскут, заплата» (болг. *кърпа* «плат, заплата», лит. *karpa* «отрезанный кусок ткани» и т. д.). Таким образом, *корпеть* первоначально – «латать, штопать» и только гораздо позже – «тщательно работать».

Сходство и близость словообразовательных отношений между разными глаголами может привести к их полному семантическому совпадению в плане выражения отвлеченного значения, развившегося на основе представления о конкретном действии (при соотнесенности с названиями сходных по своим физическим характеристикам предметов).

Так, несколько глаголов с общим значением «отвердевать, застывать, теряя подвижность и чувствительность» являются близкими синонимами и восходят к однотипным образованиям, некогда функционировавшим в языке с более узким значением «превращаться во что-л., стать подобным чему-л., указанному мотивирующим словом». Этот процесс затронул глаголы *каменеть*, *коченеть*, *леденеть*, *костенеть*, *деревенеть*, *цепенеть* и др., которые первоначально обозначали «становиться твердым, подобно камню, кочану, льду, кости, дереву, цепу “орудию для молотыбы” и т. д.» и только гораздо позже развили указанное выше широкое значение.

Установление исторических изменений в семантике глагола может быть затруднено семантическими процессами в самих мотивирующих словах. Так, глагол *исцелить* «вылечить» первоначально был связан с производящей основой *цель* в значении «здоров» (*исцелить* «сделать кого-л. здоровым»). В связи с семантическими изменениями в самом *цель*, утратившим приведенное значение (*цел* – *целый* теперь значит только «полный, весь без изъятия»), глагол *исцелить* подвергся семантическому переосмыслению и стал называть действие безотносительно к чему бы то ни было [4, с. 12].

Несколько сложнее определить характер семантических изменений в глаголе *сморозить* «сказать какую-л. глупость», поскольку этимологическая связь со словом *мороз* может быть представлена следующим образом: человеку трудно замерзшими губами произнести что-либо внятное. «Это так, с морозу сорвалось», – пишет Даль о значении глагола *сморозить*. По-видимому, первоначально *сморозить* – «сказать какую-л. глупость от холода» и только потом – «сказать какой-н. вздор, глупость» (*сморозил чушь*).

Процесс расширения значения глагола может происходить и сегодня. Так, глагол *распоясаться* уже не используется в значении «развязать на себе пояс», однако чрезвычайно употребителен в том отвлеченном значении, которое появилось в результате семантического переосмысления – «стать распушенным, наглым, утратить сдержанность» (разг., неодобр.) (*агрессоры распоясались*).

В сфере глагольной лексики представлен и противоположный процесс – **сужение** семантики, правда, в гораздо меньшей степени, нежели расширение, что и понятно, поскольку каждый глагол стремится к обозначению действия или процесса независимо, безотносительно к чему бы то ни было, постепенно отрываясь от своей исконной мотивирующей основы. Однако диалектические законы развития языка всегда представляют те или иные процессы как противоположные по содержанию и разные по объему.

Примером глагола, подвергшегося процессу сужения семантики, может служить глагол *курить*, исконный корень которого (-*кур*-) некогда имел в языке значение «дым». В некоторых

диалектах украинского языка до сих пор можно обнаружить слово *кур* в значении «дым». Первоначально *курить* значило «дымить, гореть». Подтверждением древности этого значения может служить литовский глагол *kurti* «топить, разжигать огонь». Современный глагол *курить* функционирует в языке уже в более узком значении – «втягивать в себя дым какого-н. вещества, преимущественно табака» (*курить дорогой табак, трубку*).

Чрезвычайно любопытным представляется тот факт, что разные глаголы, связанные этимологически с одной и той же производящей основой, постепенно подвергаются расширению либо сужению семантики. Примером тому могут быть этимологически родственные глаголы *исцелить* и *целовать*, описание исторических изменений в семантике которых затруднено процессами, происшедшими в самих мотивирующих словах. Как уже отмечалось, глагол *исцелить* «вылечить» < «сделать кого-либо здоровым» имел в качестве производящей основы *цель* «здоров». Утрата приведенного значения прилагательным *цель* (*целый* теперь значит только «полный, весь без изъятия») способствовала семантическому переосмыслению глагола *исцелить*, который стал называть действие безотносительно к чему бы то ни было.

Глагол *целовать* был некогда также произведен от общеславянской основы **zelъ* «целый, здоровый, невредимый» (отсюда *целовать* – «желать быть здоровым, приветствовать»). Однако претерпел сужение семантики и стал употребляться в более узком значении – «прикасаться губами к кому-л., чему-л., в знак дружбы, любви при встрече или прощании» (*целовать детей перед сном; целовать руку, лоб*).

Глагол *пригласить* связан первоначально с *гласить* при выражении предельно общего значения «возглашать, произносить», однако максимально сузил свое значение по направлению к современности, поскольку его исконное значение «призвать, призывать» не сохранилось в языке и слово *пригласить* стало обозначать только «попросить прийти или выполнить какую-л. работу» (*пригласить в гости, на службу*). Никаких ассоциаций со словом *голос* или *гласить* (*голосить*) современный глагол уже не вызывает.

Глагол *хоронить* первоначально значил «прятать для сбережения» (ср. ст.-слав. вари-

ант *хранить* в том же значении), а затем в результате семантических изменений, произошедших на базе ассоциаций по смежности, в слове появилось новое (более узкое) значение, связанное с погребением покойника (ср. разг. *хорониться* «прятаться, скрываться от кого-н.»). Глагол *хоронить* со значением «укрывать что-л. от окружающих, прятать» относится к числу устаревших, стилистически маркированных лексем и практически не используется в современном русском языке.

Глагол *нравиться* «производить на кого-л. хорошее, приятное впечатление» (*Город начал ей нравиться*) этимологически связан со словом *нрав* (*норов*) и исчезнувшим из языка глаголом *нравити* «любить, желать» (ср. лит. *noras* «желание», *norėti* «хотеть»). Глагол *нравиться*, будучи производным от *нравити*, первоначально и функционировал в приведенном широком значении «любить, желать, хотеть», которое изменилось по направлению к современности.

Глагол *покуситься* исторически связан со старославянским *покусити* (производное от *кусити*) «испытать». Развитие значения этого глагола шло следующим образом: «попробовать на вкус» > «откусить на пробу», затем – «произвести попытку» (в виде глагола *покуситься*). Постепенно общая семантика этого слова подверглась сужению, и глагол *покуситься* стал функционировать в значении «попытаться совершить какой-л. проступок или преступление, нечто неблагоприятное, злодейское» (*покуситься на чужое добро*), утратив всяческие связи с первоначальной производящей основой.

Глагол *брить* «срезать волосы до корня» (*брить бороду*) в современном русском языке функционирует в предельно узком значении, хотя по происхождению связан с корневым *бор* (*хвойный лес*), *бороться* и т. д. Его исконное и достаточно широкое значение – «царапать, скоблить, срезать» – сохранилось в литовском однокоренном глаголе *brėžti* «царапать, чертить, резать».

Таким образом, законы расширения – сужения семантики могут быть представлены как общие законы исторической семасиологии. Однако существует еще один закон, способствующий превращению значения того или иного слова в противоположное и, соот-

ветственно, совмещению в пределах глагола двух контрастных значений. Подобную особенность большинство исследователей относят к области **энантисемии** [2, с. 75]. При этом чаще всего в одном из значений слово является стилистически маркированным и сопровождается в словарных статьях соответствующей пометой – «разг.», «диал.», «прост.» и др. Например, *славить* «воздавать хвалу кому-л., чему-л.» и *славить* «распространять дурные слухи о ком-л.» (прост.); *задуть* «погасить» (*задуть свечу*) и *задуть* «зажечь» (терм.) (*задуть домну*); *честить* «оказывать почет» (устар.) и *честить* «ругать, обзывать обидными словами» (прост.). Отсюда и противоположные значения прилагательного *честный* в сочетаниях *честное слово* – «выражение уверенности в истинности чего-л.» и *держаться на честном слове* – «о каком-л. предмете: еле держаться».

Сами по себе такие слова не содержат в семантической структуре эмоционального элемента, но в некоторых случаях, в частности при ироническом употреблении, они могут выражать эмоционально-оценочные смыслы. Это касается, например, глагола *удружить*, в значении которого возможна актуализация как положительной оценки «оказать дружескую услугу», так и иронически отрицательной – «причинить вред». В эту же группу можно включить глаголы типа *осчастливить*, *отблагодарить*, *успокоить*, *благословить*, *одарить*, *отделать* и др., часто употребляющиеся с отрицательной эмоциональной окраской: *Ну, спасибо, отблагодарил!* (о неблагоприятном человеке); *Вот так осчастливили!* (о неприятном сообщении); *Как рубаху-то отделал!* (то есть испачкал); *Успокоил, называется!* (о неприятном сообщении).

Глагол *прозябать*, этимологически связанный с корнем *-зуб-*, еще в языке XVIII в. существовал в значении «развиваться» (отсюда название известного труда «Прозябание философии»). Древнейшее значение этого глагола «произрастать, развиваться» отмечено в словаре И.И. Срезневского. В современном русском языке *прозябать* имеет значение «вести жалкую, бессодержательную, бесцельную жизнь», например, у М. Веллера: *Затем, что прозябать в нищете и унижении я далее не могу.*

Подобная двойственность глагольного корня может иметь разновременный характер. Так, слово *баловать* в древнерусском языке значило «лечить, исцелять» (*балованье* – это «лекарство»), совр. *баловать* – «потворствовать всем желаниям, прихотям». Слово *отказать* употреблялось в значении «завещать, отдать по завещанию» (например, у А.Н. Островского: *Она по завещанию может **отказать** свое имение кому угодно*), совр. *отказать* – «ответить отрицательно на просьбу, требование или какое-л. предложение».

Специфическое употребление слова может привести к развитию семантической полярности не только отдельной лексемы, но и целого словосочетания с глаголом, закрепившегося в качестве фразеологизма. Так, устойчивое словосочетание *воздать сторицею* выражает полярные смыслы: «вознаградить» и «жестоко отомстить». Полярность семантики глагола *воздать*, способного выражать значения «отдавать в награду» и «отплатить, карать», повлияла на развитие энантиосемии в пределах приведенного фразеологизма.

Семантика свободного сочетания своеобразно трансформировалась в таких фразеологизмах, способных выражать контрастные значения, как: *пережить самого себя* «сохранить свое значение после смерти» и «утрачивать свое значение еще при жизни»; *протянуть руку* – «помочь» и «просить помощи (подавая)»; *поднять руки* – «сдаться» и «ударить кого-л.»; и т. д.

Энантиосемия, хотя и не представляет, по мнению некоторых исследователей, «явления продуктивного, развивающегося, а сами противоположные значения слова принадлежат обычно или к ограниченной сфере его употребления (например, к области профессионального использования), или к разным сферам или даже периодам их активного функционирования» [6, с. 237], охватывает разные пласты лексики: как частотные и употребительные глаголы современного русского языка, так и древнейшие лексические образования, многие из которых уже давно вышли из живой речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балалыкина, Э. А. Метаморфозы русского слова / Э. А. Балалыкина. – М. : Флинта, 2012. – 262 с.
2. Балалыкина, Э. А. Энантиосемия как лексико-грамматическое явление / Э. А. Балалыкина // *Przegląd rusycystyczny, zeszyt 1–2*. – 1985. – С. 75–84.
3. Головин, Б. Н. Введение в языкознание : учеб. пособие / Б. Н. Головин. – 2-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1973. – 320 с.
4. Казанский, Б. В. Приключения слов / Б. В. Казанский. – 2-е изд. – СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2008. – 256 с.
5. Крушевский, Н. В. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский // *Избранные работы по языкознанию* / Н. В. Крушевский. – М. : Наследие, 1998. – С. 96–222.
6. Новиков, Л. А. Семантический анализ противоположности в лексике / Л. А. Новиков // *Избранные труды* / Л. А. Новиков. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – Т. 1: Проблемы языкового значения. – С. 226–238.

SEMANTIC LAWS AND VERBAL VOCABULARY

Balalykina Emiliya Agafonovna

Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Kazan (Volga Region) Federal University
 ebalalyk@yandex.ru
 Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russian Federation

Abstract. The article deals with the analysis of verbal vocabulary of Russian language in terms of semantic laws. The material used in the analysis demonstrates the processes of extension or contraction of verb semantics and turning verb meanings into their opposite. In a number of cases the appropriate etymological material is used to explain the historical changes in the semantic structure of words.

Key words: semantic laws, internal form of a word, extension and contraction of word semantics, enantiosemy.